

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

1939
—
1949

ВОЙНА!

22 июня 1941 в шесть часов вечера в Московском цирке-шапито началось представление. В первый день войны его открыл артист И. Южин. Он выступил с антифашистским монологом собственного сочинения: «Родина в гневе», а 27 июня в газете «Советское искусство» художественный руководитель Главного управления цирков Е. Кузнецов в статье «В первые дни войны» писал: «Сейчас больше чем когда-либо цирк должен быть «озвучен», — «озвучен» острым, метким политическим словом публициста, сатирика и поэта». И артисты цирка взяли слово на вооружение. Артист В. Лазаренко (сын) в то время, когда фашистские армии стояли под Москвой, пел сатирические куплеты «Кувырком», где говорилось, что враги кубарем покажутся от советской столицы. Клоуны Д. Альперов и Н. Лавров разыгрывали сценку В. Николина о двух фашистах, попавших в плен к партизанам.

Ярко выступал в дни войны Карандаш. «Как фашисты шли на Москву и обратно», «Речь министра пропаганды Геббельса» и другие буффонадные сценки стали сильным оружием, приравненным к пулемету.

В ОСВОБОЖДЕННОЙ РИГЕ

В городе еще нет света, ибо гитлеровские бандиты взорвали электростанцию. Но зрелищные предприятия одно за другим вступили в строй...

Первым открылся Рижский цирк. Артисты цирка разыскали маленькую динамомашину и при скудном освещении — над манежем горели всего четыре лампы — дали свое первое представление. Они одевались в своих уборных при тусклом мерцании копилки, шутивно называемой здесь «кошачьим глазом». Трудно было накладывать грим, надевать костюмы. Трудно было работать на манеже при тусклом свете, несмотря на все это представление прошло с большим подъемом.

Программа представления достаточно разнообразна: хорошие воздушные акробаты Нортон, буффонные клоуны Роланд и Нико, дрессировщик Антонс с его «смешанной группой львов и медведей», пластические акробаты Валдовские, голосовой джаз Валери и ряд других артистов.

В антракте публику просят не покидать мест, ибо в коридорах совершенно темно.

В проходе партера я встретил старейшего циркового артиста, известного рыжего клоуна Коко. 34 года работал он в русских цирках.

Когда в Ригу ворвались фашисты, Коко арестовали: он был казначеем месткома цирка. Семь месяцев и 10 дней просидел он в тюрьме. Ему выбили зубы, отбили печень, методически избивали палками по голове. Сейчас он болен — лопнул какой-то сосуд, кружится голова, и Коко не может выступать на любимом манеже.

Артисты с содроганием рассказывали мне о том, какие издевательства приходилось им терпеть в годы фашистской оккупации. Директором был назначен проворовавшийся и в свое время уволенный из цирка бухгалтер Гуго Берзинь. Этот тип постоянно пьянствовал, дебоширил и глумился над артистами. Шпрехштальмейстеры могли говорить на манеже только по-немецки. Клоуны «имели рот на замке». Так называемые «остландские» — латвийские, эстонские и литовские артисты получали мизерную плату — не свыше 20 марок. А когда на гастроли приезжали немецкие циркачи, они вели себя нагло и вызывающе и за халтурные выступления получали 100 — 450 марок...

Л. МИХАЙЛОВ.
«Советское искусство»,
14 ноября 1944 года.

ВСПОМИНАЕТ НИКУЛИН

В Валмиере вызвал меня замполит командира дивизиона капитан Коновалов и сказал:

— Никулин, ты у нас самый веселый, много анекдотов знаешь, давай-ка организуешь самодеятельность.

Я охотно взялся за это дело.

Обойдя все батареи дивизиона, выявил более или менее способных ребят. К первому концерту мы готовились тщательно. Самому мне пришлось выступать в нескольких ролях.

Во-первых, быть организатором концерта.

Во-вторых, вести его как конференсье.

В-третьих, быть занятым в клоунаде.

В-четвертых, петь в хоре.

В-пятых, стать автором вступительного монолога и нескольких реприз между номерами.

Я выходил перед публикой и говорил:

— Как хорошо, что передо мной сидят артиллеристы. Поэтому я хочу, чтобы наш концерт стал своеобразной артподготовкой, чтобы во время концерта не смолкали канонада аплодисментов и взрывы смеха. Чтобы остроты конференсье, как тяжелые орудия, били зрителей по голове, а публика, получив заряд веселья, с веселыми минами на лицах разошлась по домам.

Возникло много сложностей с клоунадой. Я понимал, главное — найти отличного партнера. Мой выбор пал на моего друга сержанта Ефима Лейбовича. Все знали его как человека спокойного, уравновешенного, рассудительного, эрудированного — до войны он работал в газете. Ефим старше меня на два года. Он любил экспромты, шутки. Я решил, что из него выйдет отличный Белый и вместе мы составим довольно забавный дуэт.

В одной из разбитых парикмахерских мы нашли рыжую косу. Из нее сварили парик. Углем и губной помадой (помаду дали телефонистки) я наложил на лицо небольшой грим. Из пальемаше сделал нос. На тельняшку, которую одолжил у одного из наших бойцов, служившего ранее в морской пехоте, надел вывернутую мехом наружу зимнюю безрукавку, раздобыл шаровары и взял у старшины самого большого размера, 46-го, ботинки. А Ефим — Белый клоун — надел цилиндр, фрак. Под фраком — гимнастерка, брюки галифе и ботинки с обмотками.

В клоунаде, в репризах я использовал материалы,

присланные из дома. Отец писал фельетоны о Гитлере, откликнулся на многие политические события, этот репертуар он всегда посылал мне.

В те дни немало говорилось об открытии ученых по расщеплению атомного ядра. На эту тему мы придумали репризу.

Я появлялся на сцене в своем диком костюме с громадным молотком в руках. Остановившись, поднимал что-то невидимое с пола и, положив на стул это «что-то», бил по нему молотком. Стул разлетался на куски. Вбегал партнер и спрашивал:

— Что ты здесь делаешь?

Я отвечал совершенно серьезно:

— Расщепляю атом.

Зал раскалывался от смеха (до сих пор не могу понять: почему так смеялись?).

Делали мы и такую репризу. Ефим спрашивал меня:

— Почему наша страна самая богатая и самая сладкая?

Я отвечал:

— Не знаю.

— Наша страна самая богатая, — говорил он, — потому, что у нас есть

только один поэт Демьян Бедный. А наша страна самая сладкая потому, что в ней только один писатель Максим Горький...

Тогда я спрашивал Ефима:

— А почему наша страна самая умная?

— Не знаю, — отвечал он.

И я с торжеством говорил:

— Наша страна самая умная потому, что в ней есть только один дурак... И это... ты!

Пользовалась успехом и такая острота. Я с невинным видом задавал партнеру «простую задачу»:

— У киргиза было шесть верблюдов. Два убежало. Сколько осталось?

— А чего тут думать, — отвечал Ефим, — четыре.

— Нет, пять, — заявлял я.

— Почему пять?

— Один вернулся.

Солдаты, изголодавшись по зрелищам, по юмору, по всему тому, что когда-то украшало мирную жизнь, смеялись от души.

Из книги
Юрия НИКУЛИНА
«Почти серьезно...»

